

Сказка ложь, да в ней намек

Катерина КУКАНОВА

Рецензия на произведения Вероники Кунгурцевой

САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ с намеком на окружающую действительность всегда были актуальны или, по крайней мере, необычны. Они привлекают внимание подтекстом, заставляют искать потаенный смысл, ведь идея, вложенная автором, не лежит на поверхности.

На фоне современной российской литературы произведения Вероники Кунгурцевой стоят особняком. Три книги о похождениях мальчика Вани Житного и его товарищей знакомят читателей с русским фольклором, историей России (и не только России), обычаями и нравами современного общества, ужасами войны и ее ненужностью, наконец, с социальной несправедливостью. Читатель найдет здесь знакомые атрибуты сказки — волшебство, юмор, колдовство; и разнообразных сказочных персонажей — говорящих птиц, женщин с крыльями, змеев с человеческими головами, козлов, которые курят «Беломор», оживших мертвецов, привидений, леших и так далее. Эти волшебные существа сталкиваются с вполне современными проблемами: домовые дерутся из-за политики, а потом вместе с детьми пытаются спасти мир от американской демократии. В общем, набор персонажей и ситуаций впечатляет (мягко говоря). Язык автора богат старославянской лексикой, которая, впрочем, гармонично сочетается с речью наших дней. Женщины-птицы поют былины, а все персонажи вставляют в разговор частицу «де». Это придает произведениям колорит русской старины.

Но зачем это? Шокировать уже и без того искушенную публику, которая привыкла к любому абсурдному и лихо закрученному сюжету? Тут надо заметить, что в интервью «Афише» Вероника Кунгурцева обмолвилась, что писать фэнтези про обычный ирреальный мир — неинтересно, важно затрагивать события из недалекого прошлого страны. Поэтому на фоне уникального сказочного цирка вполне уверенно описываются происшествия 1993 года в Москве, упоминается война в Чечне, захват больницы на Кавказе и война в Косово. То есть, получается, автору нужна сказка только для того,

чтобы написать об исторических событиях, высказать свою точку зрения, причем весьма громко и бесцеремонно.

Не случайно писательница выбирает именно 90-е годы — уж очень насыщенные для России они были. Многого забывается, а молодое поколение вообще толком не знает о таких страшных вещах, как война в Чечне, война в Косово... Вероника Кунгурцева изъявила желание рассказать о недалеком прошлом России, познакомиться с русским народным фольклором. И неважно, кто будет читать ее книги: дети или взрослые. Каждая откроет для себя что-то интересное. Несмотря на всю абсурдность происходящего в «Похождениях», автор пишет о вполне трагических вещах. И разве сказка не может быть способом описания современности?

Обратимся непосредственно к каждой книге.

Волшебный мел

М.: ОГИ, 2007. — 488 с.

Повесть «Похождения Вани Житного, или Волшебный мел» — это сказочная история о жизни подкидыша Вани Житного, которая случилась в реальном мире, а именно в 1993 году на просторах нашей родины. Обычный мальчик,

никакими сверхъестественными способностями не обладающий, живет сиротой при больнице, испытывая вполне адекватную потребность найти своих родителей. И вот, когда Ване исполняется 9 лет, за ним приходит бабушка Василиса Гордеевна, которая оказывается колдуньей. Обратите внимание на говорящие имена, у Вероники Кунгурцевой этому уделяется немаловажное значение. Иван — герой практически всех русских народных сказок, да тут еще и Житный, значит, хлебный (от слова «жито», хлеб). Василиса Гордеевна — прямо Василиса Премудрая — ведунья, защитница леса и всех живых существ.

Бабушка живет в промышленном городе Чудове, конечно же, в деревянном доме, топит баньку, держит во дворе говорящего козла Мекешу (тот любит курить «Беломор»), здоровается с не менее антропоморфным дубом Святодубом Земельковичем. Нарушает эту идиллию известие о том, что на месте избы чиновники будут строить бассейн. Дабы избежать этого Василиса Гордеевна посылает внука за волшебным мелом, который делает невидимым все, что попадает внутрь очерченного им круга. Но в русских сказках без помощников никуда. В путешествие с Ваней отправляются домовый Шишок и огромный говорящий петух Перкун. Причем подбор персонажей тоже не случаен. Шишок — старый умудренный опытом домовик, выступает в роли предводителя похода и отца Вани. А петух — персонаж наподобие осла из мультфильма «Шрек», сыплет шуточками, хорохорится, — петушится одним словом.

Самое забавное, что мела герои так и не находят, зато колесят по стране и попадают в разные волшебные истории: знакомятся с лешими и родственницами-колдуньями Вани, опускаются в подводное царство, участвуют в мнимых демократических рыбьих выборах, попадают на свадьбу леших в лесу и даже находят Ванину мать Валентину, которая успела стать в Москве моделью, пока Ваня сиротел в провинции. Один из самых трогательных моментов: герои общаются с навяками — двумя нерожденными братьями и сестрой Вани. В свое время Валентина вынуждена была делать аборт, и теперь несостоявшиеся дети бродят по лесу, неприкаянные, готовые отдать все на свете, лишь бы на минутку стать людьми.

Интересно, что персонажи Вероники Кунгурцевой не просто сказочные личности, у них есть четкая гражданская позиция. Домовик Шишок — консерватор и, можно сказать, сталинист. Участник Великой Отечественной войны, он спал до поры до времени в подвале бабушкиного дома, а

теперь искренне недоумевает тому, что происходит в современной России. Поэтому зовет Ваню и Перкуна спасать депутатов, сидящих в Доме советов. У них, конечно же, ничего не получается (не могут же сказочные герои изменить ход истории). В поведении Шишка есть некоторая наивность — он горячо верит в справедливость и честность. Впрочем, в третьей части, о которой будет сказано позднее, его наивность сменяется радикальной ненавистью к демократии.

Политика может стать причиной драки пьющих домовых:

«Ваня спросил у Петуха:

— Перо, а из-за чего это они подрались?

Перкун, выловив в банке последний пельмень и закинув его в клюв, просипел:

— Политика проклятая виновата. Не сошлись домовики во взглядах».

Противопоставлять «новых русских» обычным людям — тоже один из любимых ходов Вероники Кунгурцевой. Мама Вани Житного — фотомодель, любовница «нового русского». Конечно, она не может взять с собой ребенка, когда тот приходит к ней в гримерку, у нее на уме выступления, деньги и так далее. Кроме того, она даже не чувствует угрызений совести. Забегая вперед, в «Дроздовом поле» у непутевой модели просыпаются материнские чувства, и она приезжает в деревню за Ваней. Но Ванино место в деревне, рядом с бабушкой, и он отвергает предложение мамы поехать вместе с ней на черном «мерсе». Не такое будущее у Ивана. Но какое же?

В финале Ване надо выбрать один из трех путей. Конец повести звучит так:

«Ваня стоял у камня и читал надписи: налево пойти — себя найти, прямо пойти — все потерять, направо пойти — новый град найти <...>. Шишок за спиной поторапливал: «Давай, хозяин, выбирай дорогу! А уж мы за тобой...».

Похоже, и сама Вероника Кунгурцева еще не решила, как закончить повесть, ведь ясно, что все только начинается и для главного героя, и для самого автора. «Волшебный мел» — это пролог к остальным частям трилогии, автор нащупывает почву, рассчитывает силы.

Ведогони

М.: ОГИ, 2009. — 416 с.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ, роман «Ведогони, или Новые похождения Вани Житного», изобилует новыми героями, сюжетом, синтезом русского фольклора и древнегреческого эпоса. Уже само слово «ведогони» привлекает внимание. Из рас-

Вероника Кунгурцева

ВЕДОГОНИ, или Новые похождения ВАНИ ЖИТНОГО

сказа Василисы Гордеевны мы узнаем, что «...ведогонь — она темная, и на привязи сидеть не любит, ты в сон, а она из тебя — вон...<...> И где только ведогони не летают, чего только не выдают! Бывают, с чужими ведогонями войну затеют, и если другая ведогонь погубит твою, так человек уж никогда не проснется!»

Короче говоря, ведогонь, как и душа, есть у каждого человека. Она — своего рода охранник и сопутствует человеку до его смерти. Ведогони имеют облик своего хозяина, но иногда могут перемещаться в чужие тела. Плохо, если ведогони подерутся между собой и убьют друг друга, тогда их хозяева умрут во сне.

Во второй части цикла герои перемещаются во времени, попадают из мира «яви» в мир «нави», успевая при этом в реальном мире выкупить человека из плена. Граница между реальностью и выдумкой стерта до абсурда. Роман получился очень сказочным, хотя сатира на современность тоже присутствует, но в меньшем количестве, в отличие от первой части.

На этот раз действие происходит в 1995 году. Внезапно к Ване в деревню приходит некая Степанида Дымова, девочка 13-ти лет, и говорит, что они должны принять участие в важной миссии — спасти русского капитана Туртыгина из чеченского плена. Но почему не спасают те,

кому надо? Почему в этом жестоком мире все должны решать дети?

Степанида просвещает:

«Потому что взрослым туда ходу нет, враз башку оттяпают...<...>. Намечается секретная операция. Набирают ребятишек, чтобы полонных русских выручить... Армия ребят. Понял теперь?»

Дети отправляются в Чечню, взяв с собой компанию помощников: лешего-мальша Березая и куклу Степаниды, которая на все вопросы дает ответы русскими стихами. Однако же, в Чечню героям не светит попасть: они становятся заложниками в больнице, которую захватили боевики. Но тут происходит самое удивительное: время останавливается, мир преобразуется, и герои попадают в «другой лес» — в совершенно абсурдную сказочную реальность, где есть змеи горынычи, женщины с крыльями, существа не только из русской мифологии, но и из греческой (вроде крылатого пса) и вообще странные существа, вроде монстра из лабиринта (здесь он зовется Верлиокой).

Такое огромное количество сказочных существ, чудищ и персонажей (причем чуть ли не у каждого второстепенного персонажа подробная история) запутывает читателя. Ладно еще, герои обретают посестриму в лице девушки с крыльями по имени Златыгорка — она становится своего рода их ангелом-хранителем. Но вот когда Ваня с компанией бежит по лабиринту от человекоподобных монстров, Степанида летает верхом на змее с человеческими головами, а потом лежит в хрустальном гробу, как Спящая красавица, а под конец герои оказываются у Огненной реки, которую чудом переходят — тут уже у читателя все в голове путается.

Возникает вопрос: зачем нужен был этот сказочный мир? Сопоставить его с реальностью? Вполне вероятно. Автор показывает, что в сказке всегда есть спасение, а вот в реальном мире оно не всегда бывает, и, главное... его не от кого ждать. Ведь не всегда есть клубок, который укажет путь, и не всегда крылатая женщина понесет на руках.

В финале романа Ваня с товарищами вновь попадают в реальность, но тут уже вместо них хозяйничают двойники — Нави и Адинапетс (имена ребят наоборот). Ребята думают, что это их ведогони, а те — настоящие Ваня и Степанида... Назревает путаница. Но поезд, в котором друзья едут за двойниками, которые уже успели выкупить из плена Туртыгина, неожиданно взрывает мальчик-смертник, и под воздействием взрыва ведогони исчезают. Кавказский плен-

ник оказывается отцом Степаниды, и все благополучно возвращаются по домам.

Уже в избе Василиса Гордеевна объясняет ошеломленному и ничего не понимающему Ване:

«— Видать, с тобой такое стряслось, что ты оказался на перепутье <...>... Вот в такую минуту ведогоню и удалось вырваться — и тем спасти тебя. И пошел он, сердешный, плутать по темным мирам... А тебя, видать, отбросило назад — подальше от злой минуты...».

Наверное, в романе и говорится о двоимирии: мире реальном и мире наших фантазий, которые неожиданно могут слиться, и тогда уже только смелость и находчивость смогут спасти ситуацию. Однако все хорошо, что хорошо и благополучно кончается... На этой философской ноте заканчивается вторая часть походов.

Дроздово поле

М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. — 432 с.

Вероника Кунгурцева

Дроздово поле,
или
Ваня Житный на войне

Ad Marginem

сказкой. Авторский замах еще выше: герои отправляются на войну в Косово. Весна 1999-го, НАТО ведет боевые действия против Югославии, — и тут как раз Ваня Житный, все с теми же домовым Шишкой, лучшим Березаем и птицей-женщиной Златыгоркой, прибыли на поиски последней самовилы (женщины с крыльями то есть). Но путь к намеченной цели разбавляется путешествием по Греции, Сербии и Югославии. Много впечатлений от этих походов: друзья попадают не в сказочный мир со змеями горынычами и волшебниками, а на реальную войну. Дети очень быстро должны научиться выживать. Косово поле у Вани ассоциируется с Дроздовым:

«*Страшная битва случилась неподалеку отсюда, на Косовом поле, в 1389 году, в Видов день, пятнадцатого июня, через девять лет после вашей* (это рассказывает сербский солдат Вани и его товарищам) *Куликовской битвы, — у Вани в голове пронеслись стаи птиц: косы — дрозды, (одна битва — на Косовом поле) и кулики (другая — на Куликовом)*». Сербия находилась под турецким игом, а Русь — под татарским. Эта мысль очень часто проскальзывает в романе.

В третьей части опять много второстепенных персонажей, которые сливаются в одно целое. Цыганка Гордана, считающая Златыгорку ангелом, девочка Яна, оставшаяся без матери, сербка Росица, которую Шишок в сердцах превращает в корову на некоторое время, чьи-то родственники, бабушки, мальчики и девочки... Многие попадают под подозрение: кто-то из них точно может быть последней самовилой. Из разношерстной вереницы персонажей очень хорошо запоминается сербский подполковник по прозвищу Медведь. Во-первых, дается подробное описание его внешности (в отличие от других персонажей), из диалога читатель узнает, что Медведь воевал в Чечне. Этот персонаж прописан хорошо и поэтому интересен. Подполковник — истинный патриот. На вопрос, уж не смерти ли он ищет на этой войне, Медведь отвечает:

«— *Я не смерти ищущу — справедливости. Я считаю: миру нечего ждать от янки кроме очередной подлянки...*».

Однако Медведь более сдержан в своих антиамериканских настроениях, в отличие от домового Шишка. Найти справедливость — у Шишка теперь совсем не абстрактная цель. Его резкая критика в адрес Соединенных Штатов и в адрес демократической системы правления обескураживает. Впрочем, по этому поводу автор романа нисколько не переживает.

В финале романа домовый сподвигнул ребят захватить в плен Мадлен Олбрайт! Они благо-

В ТРЕТЬЕМ РОМАНЕ «Дроздово поле, или Ваня Житный на войне» сатира берет верх над

получно захватывают приземлившийся в Сербии самолет государственного секретаря и выясняют отношения с госпожой Олбрайт. Это сцена одна из самых абсурдных, забавных и оригинальных одновременно. Отчаянный Шишок приговаривает госсекя США к смертной казни через расстрел... Тут еще оказывается, что эта женщина — и есть последняя самовила, которую они ищут по всей территории бывшей Югославии! Но сказочные герои не могут изменить уже случившее историческое событие, поэтому отпускают Мадлен Олбрайт, а сами присоединяются к дивизии внезапно появившегося капитана Туртыгина и предоставляются к званиям: Шишок — старшина, Ваня — сержант, а Березай становится ефрейтором.

Несмотря на всю серьезность, сказочное в романе все-таки имеет место быть. Герои спасаются от восставших мертвецов и, выпив многовекового вина, перемещаются в 1389 год, как раз на Дроздово поле:

«Мальчику казалось, что он в войнушку играет: враги, выряженные в восточные костюмы, уж больно казались ненастоящими <...>... А с манекенами биться поди-ка не страшно!»

Сцена битвы против турок тоже не менее абсурдна, герои пытаются и тут изменить ход истории. Но максимум, что у них получается, — поучаствовать в ней.

Помимо бесконечных сцен битв, хорошо запоминается эпизод, когда в городе Грачаница Ваня с товарищами попадает в одноименный монастырь, и как они там молятся. А в конце романа герои слышат по радио, что многие монастыри и церкви были разрушены и сожжены албанцами. Вероника Кунгурцева, наверное, не просто так делает акцент на этих трагических событиях.

Военное хождение изменило героев. Домовой, так и не смирившийся с исходом косовской войны, задумал написать книгу «Повесть о настоящей стране» (наподобие «Повести о настоящем человеке»). В ней он собирается «утереть носы янки и выпороть им задницы».

Ваня говорит:

«— ...По-моему, это чистая утопия...»

— Знаешь, что я тебе скажу, хозяин: ежели не написать — то ничего и не будет, а вот как я напишу об этом, так по моему слову все и свершится».

Так и с трилогией Вероники Кунгурцевой: хочешь создать свой мир — напиши его и попытайся объяснить, что в нем происходит. Смысл у романов, конечно же, есть — его можно озвучить небезызвестной цитатой из А. С. Пушкина: *«Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок».*

И объяснять больше ничего не надо, романы-сказки говорят сами за себя.